

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

Ш О Д У Н А В К А.

№ 32.

У Суботу 7. Августа

1843.

Д У Е Л Ъ.

Нехотчина, кано л' простачина,
 Алонза е Нягуль увреднуо,
 Едномъ негда, и то едва игда,
 Низкомъ мысля, на' грубима слови;
 Ал' то и' на зубъ Алонзо узео,
 Кано шкакльвивъ, кано л' тугальвивый,
 Но и кано ватра успламлививый,
 Дома юрне у скровницу свою,
 Примкне двить, листъ папира цѣпине,
 Пакъ ти перце сподби одъ гушнице,
 Врстетину часкомъ нацрткао?
 „Боляръ Нягуль то ми што и збори:
 Алонзо е Капелло де Пая!...
 А то значи, што Конте Каная;
 Но Алонзу на Дуель Нягуле,
 Да с' увѣришь о глупости своіой,
 Твой животъ е сад' у руди моіой,
 А ты бирай мѣсто и оружъ,
 Данъ е смрти твой Нягуле сутра,
 Изишо ми, оли неизишо,
 Узнат' морашъ родъ ми ал' и људцу,
 Ма несазно ништ' никада више —.“
 Боляръ Нягуль Конту одписуе,
 И то кратко, заръ по уму кратко,
 А и просто, те са проста срца:
 „У великой кавани народной
 Найвише е, и одсвуд' е людства,
 Свакій дневакъ съ четыры края свѣта;
 Там' се с'ютра мы обретмо оба,
 На виднку бѣлого свѣта,
 Пакъ оружъ ту нетреба друго,
 Већ' я хоѹ, да се надплювамо,
 Мы одста оба дуелиста,
 Па тко љ' кога одъ насъ оба двога,
 Надплювати, та заплюват' онди,
 Онъ и славу да дуела носи,
 Тим' юнаштвомъ нека се поноси,

Ка' и пауиъ кадъ мачка надкричи,
 Кад' ли прасе за репомъ процичи —.“

Е ли было, да л' се учиніо,
 Дуель овый там' и некад' игда,
 Ибраилъ ље то памтити болъ,
 Я л' тек' знадемъ истог' Мош-Нягула,
 Свакако е мейданъ однесао,
 Конт' волѣде с' и уклонит' куда,
 Но заплюванъ быт' савъ и одсвуда —.

У Видину 4. Мая 1841. год.

С М С.

СРБИ И НЬИОВЕ НАРОДНЕ ПЬСНЕ.

(Продуженіе)

Христіянски владоци, умѣсто да се слабшю овомъ Турака ползую и ньима рѣшителный ударъ зададу, само су гледали, да политична одиошенія сви на свою користь обра-те, и подпомагали су садъ Солимана, садъ Муссу, садъ друге наслѣднике престола, а никоме ни на умъ пало ние, да христіане изъ руку невѣрника избаве. Истомъ у среди 15. вѣка сѣтише се наипосле ослободити Србе. Папа Силвестеръ пошлѣ гласовитогъ Ювана Капистрана, да крстоносу войну противъ Турака дигне. Капистранъ проѣе крозь Нѣмачку, Угорску и славенске землѣ, у име Бога помоѣ за христіане изплакиваюѣи. Али хусите у Ческой и шизматични*) кнезови у другимъ земляма сакатили су нѣгово предузеѣе. Ческій краль прогони га и изъ самы граница свое државе. —

*) ?? — У.

Овај велики човекъ скупилъ ипакъ четицу польскога, угорскога и чешскога народа; дође съ њоме у Београдъ и узбје Турке натрагъ. Али за неколико година после тога смръть њгова лиши Србе сваке дальшине помоћи. Удовица последнѣга Деспота сръбскога, Ђлена, изъ дома Полеолога, оправилъ посланике у Римъ, своју државу заштити папиной предавајући. Народъ, кога е међутимъ свештенство источнога обреда научило, побунилъ се зато, и викаше као и грчки патријарси: „Радіе ћемо Турке, него католике;“ силени у земљи и жители знаменити варошій своевольно се подчине султану (1459). Мухамедъ уђе у Србију, и учинѣна условља погазивши, даде вароши и села поपालити и одведе 200,000 заробљеника у Турску, гдѣ су сви ови одъ глади и сиротинѣ посканали. Цѣло сръбско царство, осимъ едногъ малъшного остатка, што е доцнѣ постало княжество истога имена, обрати се у пустињу. —

Овако е исторія Србіе изъ источника бизантійски и други кроника поцрплѣна; између ове исторіе и народны преданія ступаю противословља у 13. вѣку, да и на концу 12. Народъ и пѣсници другче поняю прошлостъ и будућностъ свое землѣ. Кралѣви, кое смо навели, войводе, чія смо дѣла напоменули, друга имена имаю у Грка, друга у Срба. Мало е потешко ова двояка извѣстія о дѣлима у сугласѣ довести, и коме одъ њи више вѣровати валя, не да се башъ тако ласно опредѣлити. Овде и тамо стваръ се на особитый начинъ приповѣда, и има своју истиниту страну. Кроници предлажу, тако рећи, само черте одъ образа, а пѣсници пишу га живимъ бояма. Туђи историци бришу свойственый значай, почемъ общте видове одъ унутрашнѣгъ народногъ кретаня дѣле; народъ напротивъ задржао е главне черте значая свои юнака, подигао ѣй е къ идеалной величини, и у њаовимъ особама изразио е народна осѣћаня: пѣсници разлучаваю отечествену исторію одъ свакогъ страничногъ сматраня, стискаю тиме видокругъ, а то зато, да га тимъ лакше погледомъ свое силе уображая схвате. Сгодни бы се могли писателѣи сръбске исторіе онимъ гео-

графима уподобити, кои на карти особитымъ начиномъ рѣке и брегове землѣ уписую; народни пѣсници напротивъ живописцима, кои намъ живый погледъ предѣла, и бою њгова неба представляю.

На тай начинъ исторія пала е сасвимъ на поезію, почемъ по паденію царства сръбскогъ ни кралѣва ни политичны партия ни кнѣига было нисе. Законъ христіанскій прво е приміо неца митологійска знаменя. Изъ свои легенда, свои чудотвораца и светаца саставише пѣсници нешто олимпу подобно. Изъ исторіе узете особе потомъ дижу се у измышлѣной сѣйности. Царъ Душанъ н. пр., овај отцеубійца, гордъ и страшанъ человекъ, примѣръ е величества и силе. Пѣсна ништа неспоминѣ о њговомъ фамилярномъ преступлѣнію, као што е Хомеръ прећутао фамилярне страсти Атрида, ту матерію оставляјући послѣдовавшимъ трагичима. У исторіи мало познатый кнезь Югъ у сръбски пѣсника е почитанія достойный патријархъ, обколѣнъ врлимъ синовима, исто као Аимонъ, отаць многи гласовиты юнака. Кнезь Вукашинъ показуе се као некакавъ лукавый политикъ и ратникъ, по прилици као некій славенскій Улизесь. Краль Лазаръ представля савршеный образъ правога юнака; мы у њму видимо иделъ ондашнѣга христіанскога чувства. На чистоѣи нравій, страху божіему и храбрости подобанъ Богомиру одъ Бульбонга, притяжава покрай тога юштъ и славенскій значай, любилъ гостопримство, пѣванъ и великолѣпіе, и у томъ суглашава се са склоностима свога народа. Све е у њговой поетичной исторіи пуно тайній: како рођенъ њгово, тако узвышенъ и смръть. По мнѣнію народа, њга е родіо царъ Душанъ съ некомъ женомъ изъ висока племена, па е зато, као племићко дѣте, у кралѣвскомъ двору воспитанъ, и оженио се съ кћерю гласовита Юга, кою му е овај патријархъ зато дао, ерѣ е нашао у кнѣзи пророка, да е њгова кћи њму суђена. Лазаръ е доцнѣ као мученикъ за свой народъ общте высокопочитаніе задобью. Пѣсници незнаю ништа о томъ, да су њга Турци ухватили, и непрестано вѣрую, да е онъ на полю битке пао, и наброяваю чудеса њгове храбрости. —

(продуженіе слѣдуе.)

ПОЛЗА ИСТОРИЕ.

(по Роттеку)

ОБШТА.

Право вели Па'лъ, да е доказивати вреднобу и ползу исторіе за човечій животъ душевный тако излишно, као доказивати, да сунце ползуе тѣлесномъ животу. Истина да има и таковы, кои презиру и куде исторію, но — они или зато куде, што су ради потврдити своя чудна и несмотрена мышления, или имаю предъ очима само онај яданъ посао съ исторіомъ одъ писателя, учителя и ученика, кадъ она наравно често спада на пуну кнѣгу памтениа, коя ниже имена на имена а године на године; или су найпосле меланхолицы и човекорзцы, кои незадовольни са светомъ и людма, просиялю свою жучь на све оно, што е човеческо, и налазе у исторіи само удый означай будалаштина и страсти. Зато ће свакояко онај, кои е истинито познать съ исторіомъ и обогаћенъ нѣнымъ благомъ, кадъ га ко двоумећи за нѣну ползу упыта, одговорити или презрително ѣтанѣмъ, или пролићемъ рѣке говора. За оваке позналице нису слѣдуюће точке; но нека само онима, кои се истомъ налазе на прагу, даду окушати благо, кое Кліианъ храмъ садржава.

Полза исторіе найприродніе дели се на обшту и особену. Ёрь осимъ тога, што она дае у грађанскомъ дружеству особите и отличне прибитке многимъ редовима и классамъ, многима гранама вѣжества, она е и одъ обште и високе, праве човечіе користи, и — осимъ сматрана на особне и подчинѣне — у обште снажно образуе душу и срдце.

Неко природно осећанѣ, готово бы могли рећи потреба, вуче насъ къ исторіи. Наше се мысли радо баве при образима прошлости и тада се душа наша благотворно тронява. Врло лепо примѣчава Авциллонъ: „Кадъ старый Целтскій бардъ — певаць — оће да изрази дубокъ и сладакъ уражай, кои музыка чини на нѣгову душу, то онъ само каже: она дѣйствуе на нѣга, као опоминанѣ старога доба.“

Но одкуда ова обшта наклоность? — Она е дубоко усађена у чувствуюћой и нравственной природы човечіой, коя свуда, где е непоковарена и у нечемъ развіена, показуе се у симпатетичномъ чувству, и себе, кадъ слуша болѣ мнѣніе, любя, не у самоћи свога лица, но у обштини рода свога. Познати овай на далеко распространѣнъ родъ, комъ принадлежимо, разумети нѣговъ душевный животъ, по коега бури и нашъ малый чунакъ живота броди, дознати или баръ предчувствовати намеру и цѣль, коіой пловимо — то мора быти одъ найвеће праве човечіе користи. А где намъ се на другомъ месту появлюе човечность у свомъ истинитомъ виду, у свомъ правомъ животу, но у исторіи? — Изъ нѣ, и само изъ нѣ дознаемо, шта е подъ толикимъ случайнымъ преображаима, у свакоякомъ времену и месту постоянна, вечита човечія наравь. Премда ова показуе се повременце у многостручнымъ кровима, дае се образовати и преобразовати, уставляти и усавршавати; али се налазе свуда оне исте наклоности и силе, дѣйствующа она иста тежениа и страсти. Видимо свуда где се обште добро бори съ приватнымъ користима, но ове га и пакъ подпомажу, и увиђамо у найразличной смѣси почастны догађая обштыи коракъ рода. По томе е, ко незна исторіе, туђинъ на земљи и у своме роду, и самъ е себи непознать; ништа онъ немари за велике оне користи, за кое се човечество одъ искона борило, — ма колико иначе врстанъ быо — участвуе у обштемъ животу само страдателно и као машина, као точакъ, кои ништа незна о томъ, шта га, кудъ се и како се врти.

Правый животъ човечества не само да се може познати у одной исторіи, но онъ по већой части я обстае само у исторіи. Безъ нѣ бы свакій нараштай ищао своимъ особитымъ путемъ, и наилазіо бы све на ново на више пута наступану стазу. Исторія везуе све нараштае у еданъ ланаць. Она непрестано при свести држи човечество и народе. Нѣой принадлежи искусство свію столѣтіа и преданіе са свимъ нѣговымъ благомъ. Знаня, идее, изна-

ласке своју времена и народа и шта су мудраци у седой прошлости мислили и учили — саобштвава она познымъ потомцима. Садъ могу ова наставити, где су њиови предци стали, и могу напредовати до неопредѣлногъ степена савршенства.

(Продуженіе слѣдую.)

ПРАВИТЕЛСТВО У ШПАНЬОЛСКОЙ.

(Конаць.)

Овай одъ сила, кое су некада противъ Француза скопчане были, признатый уставъ, као такођеръ и кортезе краль Фердинандъ VII укине, кадъ се г. 1814 опетъ на престолъ попе и Шпаньольска на ново подъ неограничену власть дође. Али год. 1820 побуни се войска на острову Леону у име устава одъ г. 1812; краль бы присилънъ пристати на државный документъ кортеза, кои на ново сазвани буду, докъ г. 1823 херцогъ Ангуламскій са Французкомъ войскомъ ово ново државно устроєніе непоруши и старо опетъ неповрати. Будући е Фердинандъ за наслѣднику имао само единицу кћеръ іошть младогъ и врло њжногъ возраста, г. 1832 укине Салискій законъ, што су га Борбони у Шпаньолску донели. Њгвозъ братъ, Инфантъ Донъ Карлосъ, явно протестираше противъ овога повређеня уведены у Шпаньолской права престолонаслѣдія. Пошто краль слѣдује године умре, то краљица Христина, кою е онъ за свою савладарку узео и њвойзи владу предао бы, счепа узду правлѣнія у име недорасле кћери свое, Инфантке Маріе Исабелле Луизе, коя е г. 1833 подъ именовъ Исабелла II. на престолъ ступила. Њо све покраине средиъ и южне Шпаньолске припознаду, али покраине Бискаја и Наварра прогласе Дона Карлоса за краля, съ томъ мысли, да свое старе привилегіе сачуваю, о којима знале су, да ће њ правителство, кое е тамо тежило, да све старе обычае уклати, уништити. Донъ Карлосъ, добывши већу часть овы покраина на свою страну, доказивао е съ оружьемъ у руца до г. 1839 своя права на престолъ, али ове го-

дине побѣдоносна оружя краљице присиле га оставити Шпаньолску Г. 1834 краљица владѣтелька даде Шпаньолцима новъ уставъ, кои се подъ именовъ кралѣвскій штатутъ (estatuto real) познатъ учинио, и тако кортези укажу се опетъ подъ новомъ формомъ. Они су на две камере (estamentos) раздѣлни были, прва се звала камера великаша, састављена изъ прелата и великаша Шпаньолски, кои уживаю привилегіе наслѣдія, и изъ грађана, кое е круна за такове наименовала докъ живе; друга, камера прокуратора названа, састаяла се изъ грађана по провинціалнимъ юнтама наименованы на три године, а овы юнта членове избирале су срезке юнте, састављене изъ обштина (ayuntamiento). Само друга камера имала е право, одобравати порезъ; обе пакъ могле су само о такимъ предметима рѣшавати, кое њмъ краль предложи. Пошто г. 1836 сазвани кортези декретомъ одъ 23 Мая укинуги быше, слѣдуюћегъ 13 Августа побуни се войска у Ст. Илденфонзу, гдѣ се онда дворъ налазаше, и присили краљицу-владѣтельку, да прими уставъ одъ г. 1812, кои затимъ г. 1837 съ њкимъ измѣнама и установљѣнъ буде. По овоме кортези се састов изъ 2 камере, т. е. сената и конгресса депутираца или прокуратора (заступника), одъ кои ни една нив привилегирата или наслѣдна. Число сенатора опредѣлно е на $\frac{3}{5}$ депутираца. Њи краль наименоуе по предлогу троструке листе, кою избирачи депутираца начине. За конгресъ депутираца избираю се членове изъ сваке покраине (на 50,000 душа 1) на три године. За сенатъ предложи свака покраина на 85,000 душа три кандидата, одъ кои после краль наименоуе еднога. Кортези, кои се сваке године скупаю, опредѣљаваю краљу новаца за трошкове; ни еданъ законъ нема силе, ако га обадве камере разсмотриле и краль потврдіо нив. Г. 1840 краљица е владу оставила и изъ Шпаньолске отишла; а садъ тамо влада, умѣсто недорасле Исабелле, Ешпартеро, херцогъ одъ Витторіе.